

На Снежную долину опускался розовый закат, окутывая вершины гор и деревьев. Ребятишки с громким весельем на санках-ледянках раскатывались по домам – в однотипные сооружения с куполообразной крышей. Взрослые, кто с покупками, кто с работы, а кто просто прогуливаясь, степенно скользили на лыжах следом за детьми. На высокой горке подростки на сон грядущий красовались друг перед другом, исполняя трюки на сноубордах. По таким сугробам, как в их долине, невозможно было передвигаться без инвентаря, снег не сходил здесь девять месяцев в году. От мала до велика не имели понятия, что значит идти пешком.

Вот уже и старичок Фонарщик вышел в своих мини-лыжах, будто тапочках, зажечь ночной свет в уличных лампах. Лампы на коротких подставках стояли вдоль центральной улицы. Обычно, к моменту, когда старик Фонарщик зажигал последнюю, дворы пустели. Только глупец разгуливал после заката. Никто, даже самые дерзкие из подростков, не показывал носа из своих крепких домов.

Из леса раздался гул снегохода – лесник Тимофей тоже спешил в укрытие. Бородатый, плотно сбитый мужчина, выглядевший старше своих лет, вёз запасы хвороста. Тимофей знал многие тропки леса, но и он не рисковал задерживаться там после захода солнца. Потому что никто достоверно не знал, что там обитало. Он затылком ощущал, как ночное существо пробуждалось...

Скоро оно страшно завоет – не так, как волки. Опытные зоологи из соседней долины Солнца сравнивали этот звук с китовым пением (столь же раскатистый, громкий, мелодичный), но откуда было взяться морскому животному в лесу, где ни морем, ни даже озерцом и не пахло? Их лес простирался на сотни километров, лесник знал его лучше других, но всё равно недостаточно хорошо, чтобы хоть единожды встретиться с существом или его стоянкой и точно знать, что это. Тем более, что оно порой не тревожило их, куда-то исчезало на недели, но всегда возвращалось. Ночью существо выходило на охоту и бродило вокруг жилой зоны, и если бы не фонари с мерцающим, отпугивающим его светом, жителям было бы не спастись. Шаги его были настолько тяжёлыми, что земля содрогалась, как при четырёх-пяти балльных природных землетрясениях. Существо проявлялось то в одном конце долины, то в другом, его было невозможно отследить, но последнюю неделю оно выбрало их поселение.

Тимофей добрался вовремя – Фонарщик обошёл и осветил значимые точки вокруг жилой зоны, в небе воцарилась молодая луна. Он заглушил снегоход, уложил хворост под низенький навес и прошёл в дом.

Если посмотреть на жилища местных с высоты, можно решить, что это всего лишь большие сугробы, никак не дома. Но именно такие круглые логова помогали сохранять тепло. По центру дома Тимофея горел закрытый очаг, источая тепло, а пар уходил в узкий дымоход на круглой крыше. Из-за ограниченности пространства быт был скромн. Межкомнатных стен не было, вместо них имелись перегородки, через которые всё же можно было заглянуть такому высокому человеку, как Тимофей. В его доме были ограждены кухня, спальня для него и спальня матери, Дарья Игоревна – самая дальняя от входа.

Войдя и закрыв за собой люк, служащий дверью, он наспех скинул шапку, тулуп и валенки, оставшись в чёрном вязаном свитере, и направился к матери.

Дарья Игоревна выглядела болезненно: впалые щёки, усталые глаза.

Возле её кровати стояла миска с водой и полотенцем.

– Ты опять вся горячая, – Тимофей потрогал её лоб, с волнением усаживаясь на табурет рядом с ней. – Я отвезу тебя в долину Солнца утром.

– Не нужно, милый, это далеко, – возразила мама. – У меня обычная простуда, пройдет.

– У тебя не простуда, мам, – вздохнул Тимофей, опустив глаза. – Доктор ничего не знает, гораздо лучше будет добраться до теплой долины и подлечиться там. Остаться, если позволят.

– Мы не можем оставить дом, Тима. Климат другой, разрешение придется брать. У меня тут друзья...

– Мам, к тебе перестали заходить, как только ты заболела. В нашей идеальной долине никто не болеет, помнишь?

– Я не хочу уезжать...

– Это не навсегда. Но помощь нужна срочно, и без разговоров, мам.

Тимофей смочил полотенце и положил ей на лоб. В Снежной долине не болели простудой, не испытывали жара, не кашляли, максимум – чихали, у них был сильный иммунитет. И лишь старые справочники местной библиотеки помогли леснику понять, что примерно следует делать для болеющей мамы. Холодное мокрое полотенце и тёплый чай с ягодами – всё, что Тимофей мог предложить своему самому близкому человеку. И, конечно, этого было катастрофически мало. Он полагал, что в долине Солнца с жаром справятся лучше. Проблема была в том, что «солнечные» жители отгородились от «снежных» стеной, чтобы ночной монстр не проник к ним, и людей тоже не впускали на всякий случай. Прорваться к ним было непросто, но Тимофей надеялся на удачу.

Он попил маму супом и чаем, уложил спать. Забрался на свою твёрдую дубовую кровать, на тумбочке пристроил свой основной рабочий инструмент – топор. С ночным зверем, шастающим в округе, надо держать ухо востро и не позволять себе проваливаться в глубокий сон.

С рассветом Тимофей мгновенно соскочил, заслышав крики с улицы.

– Кто там, милый? – послышался мамин голос.

– Ни о чём не беспокойся.

Он вышел на кухню, где имелось единственное окошко. Никакого движения лесник не заметил. Не слышал он ни характерного землетрясения, ни воя. Протяжно заиграла скрипка.

Прихватив топор, Тимофей осторожно выглянул на улицу. Прямо перед входом, стоя по колено в снегу, играл на скрипке соседский мальчик, семи лет. Лесник не помнил его имени, он не был общителен и не интересовался жизнью других, в отличие от его сердобольной мамы. По щекам мальчика текли и тут же застывали слёзы. Тимофей ловко вытянул его за рукав из снега и затащил в дом, оборвав мелодию. Мальчик всхлипнул, прижимая к груди скрипку. Тимофей отряхнул его от снега и спросил:

– Что стряслось?

– Мама пропала.

– Как это произошло?

– Мы спали дома. Потом люк вдруг открылся, холодно стало, как от сквозняка. Я заглянул к маме, а её нет.

– Люк закрыли?

– Да.

– Я отведу тебя в участок, – Тимофей принялся одеваться.

– Дядь, моя Ирка тоже ушла.

– Твоя сестра? – в голове лесника всплыл образ темноволосой девочки лет двенадцати.

Жители сами разбирали хворост и дрова, которые он собирал для всех, мог и мебель изготовить – вот и всё его «общение» с соседями. Ни приветствий, ни улыбки своим соседям он не дарил. А детей не знал вовсе. Тем не менее, Тимофею стало немного жаль мальчика.

– Ага. Она сказала, что маму забрало чудище, о котором все говорят. И утащило в лес.

– Чудище... Воя не было, шагов – тоже.

– Не было, – согласился мальчик как-то по-взрослому. – Но в доме был ветер. Я поиграл на скрипке, и он прекратился. Но мамы уже не было. И Ирка ушла за ней.

– На улице штиль, – рассуждал дальше Тимофей. – Ветер, что, был и после исчезновения матери?

– Ага. И до, и после.

– Тима, зайди ко мне, – крикнула Дарья Игоревна.

Мальчик вздрогнул от неожиданности.

– Моя мама больна. Тебе лучше уйти, – строго сказал Тимофей, почти выпроводив ребёнка.

– Не выгоняй Егорушку! – настаивала мама.

– Он и сам не захочет остаться, – буркнул Тимофей.

Мальчик, закусив губу, жалостливо смотрел на него. Вздохнув, он передумал выставлять его прямо сейчас.

– Жди тут, – бросил он ему, а сам направился к матери, уже будучи в верхней одежде.

– Егорушка говорит правду, – сказала мама, как только Тимофей заглянул. И понизила голос: – Когда монстр нападает, он неслышим и невидим. И только ветер гуляет в помещении.

– Разве?

– Последнее исчезновение было двадцать два года назад. Тогда пропали восьмеро наших, в том числе и твой отец.

– Что? Ты говорила, он умер?

– Потому что так оно и есть, вероятно... Об этом не вспоминают, что-

бы не сеять панику. Это создание бродит по всей долине. Но затем возвращается, шумит. И когда оно затихает, это означает либо то, что оно ушло дальше, либо... то, что оно снова напало.

Тимофей знал, что только ему по силам обыскать лес, туда никто долго не совался, и его разрывало от чувства долга перед мамой и необходимости помочь детям.

– Я должен увезти тебя.

– Обождёт.

Он смотрел на мать, только что расставшуюся с таким давним секретом. Она выглядела абсолютно не озадаченной этим, её волновала судьба чужого ребёнка. И Тимофей не мог винить маму в этом – до болезни она общалась почти с каждым в поселении, была отзывчивой на любые просьбы. Он легонько сжал её руку и вернулся к Егорке.

– Ладно, я поищу твою сестру. Она точно ушла в лес?

– Да, я видел...

Они с Егоркой вышли на улицу. Тимофей взял лыжи вместо снегохода, прикинув, что техника пройдёт не везде, да и топлива может не хватить. Перед своим уходом он отвёл мальчика к единственному человеку долины, которому доверял – Фонарщику.

Тщедушный старичок со сморщенным лицом нёс вахту целую ночь и сейчас готовился ко сну. Люк он, однако, открыл.

– У Егора пропала мама, а за ней ушла и сестра. Вы не слышали об этом? – спросил старичка Тимофей. Несмотря на внешний беспомощный вид Фонарщика, все в поселении знали, что он – отличный стрелок и сторож, абсолютно не из бойких. Недаром столько лет никаких исчезновений не случилось.

– Нет... – старичок выглядел растерянным. – Оно разве не ушло?..

– Мы не знаем, – Тимофей сохранял хладнокровие. – Я собираюсь это выяснить.

– Тебе понадобится подмога.

Тимофей знал, что никто не пойдёт в лес по следам ночного существа, да и ему лучше работалось одному.

– Нет, я прочешу лес и дотемна вернусь. Оно же неопасно днём.

– Никто не знает наверняка... – предупредил старичок.

– Я поищу сестру. А вы посидите с мальчиком? – Фонарщик кивнул.

– И... присмотрите за моей мамой, пожалуйста. Сможете?

– Конечно.

– Не брезгуете?

– Нет, с чего бы? Я к ней обязательно зайду.

– Спасибо, – выдохнул Тимофей. Теперь у него не осталось причин не идти.

– Возьмите скрипку, дядя, – вдруг сказал Егорка, протягивая ему

скрипку.

– А это зачем?

– Она спасёт вас от чудища.

Он и взял, неловко пристроив за спиной в довесок к топору.

– Только я всё равно играть не умею.

– Неважно, скрипка всё сделает сама, – ответил мальчик загадочно.

Тимофей также собрал с собой небольшой рюкзак с провизией, спички, верёвку – стандартный свой набор для выживания в лесу, но ни на какую встречу с ночным существом он и не надеялся. Отыскать бы девочку – это было реальным. За сим и оставил Егорку с Фонарщиком, выдвинувшись в путь.

На улицы поселения уже вывалили эльфы – создания маленького роста. Они не умели говорить на человеческом языке, что-то пищали друг дружке на своём. Эльфы различались по цвету – розовому и голубому, в зависимости от пола. Это были ценные помощники жителям – они целыми днями расчищали дорожки, прокладывали лыжню, убирались на горках и трассах, словом, содержали улицы в порядке. Их присутствие и существование было настолько естественным, что люди не задавались вопросом, откуда появились эльфы. Эти создания не образовывали семей, никто не видел эльфа-ребёнка, но их не становилось меньше.

Один из голубых эльфов поприветствовал Тимофея, махнув крохотной ручкой, в ответ он коротко кивнул. Он не знал, как с ними обращаться. А все мысли лесника были поглощены поисками Ирки: найти бы её невредимой, да поскорее.

Будучи взрослым, Тимофей дважды пытался отыскать ночное существо. Кое-какие следы он находил – четырёхпалые лапы размером со словны. Эдакий волко-рысь-слоно-кит вырисовывался. Оба раза следы вели к одному и тому же месту, но затем терялись. Любой хищник возвращался на свою прошлую стоянку. В ту сторону Тимофей и отправился.

Лес был хвойный, пушистые ёлочки и сосны тянулись аккуратными рядками друг за другом. Вечера припекало солнышко, а ночью подморозило, и лыжи скользили отменно, не проваливались в сугробах. Можно было насладиться этим походом в удивительно тихую, безветренную для этих краёв погоду, если забыть о цели своей вылазки.

На сей раз незнакомых звериных следов Тимофей не замечал. А вот следы от детских лыж обнаружил скоро. Он нагнал девочку минут через сорок. Оранжевый комбинезон замаячил и того раньше, но на крики Тимофея Ирка не реагировала.

– Ира! – снова позвал он и поравнялся с ней на лыжне.

– А, это вы.

– Ты не слышала, как я десять раз позвал тебя?

– Слышала. Ну и что? Я тороплюсь.

Он схватился за её лыжную палку, вынудив остановиться. Ирка выглядела воинственно, правда, яркий костюм и шапка с помпоном этому настрою не соответствовали.

– Поговорим? – спросил он.

Ирка с неохотой оперлась на палки, встав поудобнее.

– Нужно вернуться.

– Нет. Сперва я найду маму.

– Мне жаль, что она пропала, но твой брат не может лишиться ещё и тебя, – Тимофей протянул руку.

– Я не уйду!

– Ладно, давай, я провожу тебя, а потом сам прочищу местность.

– Я видела следы того, как её волочили... – сказала Ирка взволнованно. – А вы, похоже, не верите мне вовсе.

– Почему же, ведь всё-таки она и вправду пропала. Ты ребёнок, что ты сделаешь монстру, даже если найдёшь?

Она показала складной нож. Он подумывал забросить её на плечо и унести подальше.

– Ты погибнешь.

– Так помогите мне. Зачем вы пришли?

– Вернуть тебя домой.

– Вы ведь всё делаете ради своей мамы?

– Да, – он понял, куда она клонит. Ирка явно знала о нём больше, чем он о ней.

– А я верю, что выберусь, даже если... если мама... – Ирка всхлипнула, держась до последнего, – даже если не найду её, или будет поздно. Но я должна попытаться.

Папа Тимофея тоже исчез, но никто и не подумал его искать. Глядя на воинственный настрой Ирки, Тимофей не мог не проникнуться и не зауважать её.

– Идём, – он перестроился перед ней и повёл за собой, не имея никакого плана.

Лесник свободно обходился без долгого общения и любил находиться в лесу, но в компании ребёнка, чья мать пропала, пребывать в молчании оказалось непросто. Звуки скольжения лыж по снегу не успокаивали, «переговоры» птиц вдалеке не увлекали, а интенсивный бег не бодрил – ничто из привычной обстановки не помогало ему не нервничать.

– Что вы любили делать с мамой? Наверное, готовить? – спросил он первое, что пришло в голову.

– Нет, она не любит готовить, – охотно отозвалась Ирка, бодро под-

страиваясь под его лыжный шаг. – Рисуем вместе, ходим поболеть на наш хоккей. Егорка вот не любит спорт, он у нас скрипач.

– А ты почему любишь хоккей?

– Это круто! Вам бы тоже понравилось.

– Я предпочитаю тишину.

– А ваша мама с нами тоже ходила.

Тимофей этого не знал. Он вообще многое упустил, как выяснилось...

И жалел, что не отвёз маму пораньше в соседнюю долину, ведь он знал туда дорогу через лес.

– Мой папа тоже пропал в лесу, как твоя мама. Только очень давно, – поделился Тимофей.

– Сколько вам было? – в голосе девочки было сочувствие.

– Семь. Папа научил меня рубить деревья, сколачивать табуретки. Мы немало времени проводили здесь, разводили костёр, ночевали... – он никому раньше не рассказывал этого. – Тогда о монстре никто и не знал.

– Его... не было?

– Впервые раздался вой за день до его исчезновения. Мама сказала, это волки. Папа пошёл посмотреть и не вернулся – так она мне объясняла, я сам не помню, спал... В ту ночь пропали ещё семеро. С тех пор никто не пропадал до сего дня.

– Вы любили его?

Тимофей задумался. Ему не задавали такого простого, но одновременно трудного вопроса. Он мало помнил папу, хотя и проводил с ним достаточно времени, и такое серьёзное чувство как «любовь»... испытывал ли Тимофей его по отношению к нему?

– Мне его не хватает... – признался он.

– А я своего папу не помню, он рано ушёл.

– Ушёл?

– Ну да, в долину Теней, куда все уходят. Он заболел.

– Чем заболел? – Тимофей замедлил ход, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

– Лихорадкой, кажется. Мама говорила, никто не знал, чем лечить.

Он подозревал ту же болезнь у своей матери – это было ужасающее совпадение. Неужели и его мама так тихо и просто «уйдёт»? Ощувив опасность её состояния, лесник чуть не бросил девочку, но вовремя заметил подсказку. На полянке рядом с тропинкой снега было меньше, чем вокруг, словно кто-то его расчистил. Тимофей приблизился, воткнул туда лыжную палку, и та упёрлась во что-то. Он разгрёб снег и обнаружил люк. Они с Ирккой переглянулись и сняли лыжи.

Тимофей открыл люк, для чего не потребовалось много усилий. Вот так, бесхитростно, они обнаружили чьё-то логово. Ступеньки вели вниз, где было темно, но вряд ли зверю была нужна лестница, а потому они решили

исследовать убежище.

Факелы пестрели внизу, рисуя страшные картины на стенах. Они оказались в зале с высокими потолками. Тимофей приготовил топор – больно зловещей показалась ему обстановка. Но прежде, чем он подумал о том, что стоит отправить Ирку назад, перед ними показался высокий мужчина в мантии. Он медленно выходил из мрака на освещённое место, громко стуча каблуками по каменному полу.

– Как вы сюда вошли? – и он был возмущён.

– Это было несложно, – ответил на вопрос Тимофей.

– Вы чудище? – спросила Ира, пряча нож в руке.

– Как грубо звучит, – скривился мужчина. – Я – Его Святейшество Верховный Чародей Ордена...

– Колдун, – оборвал его Тимофей.

– Какие же вы невоспитанные.

Тимофею не нравился этот чародей. Мужчина неопределённых лет, неизвестно, для чего прячущийся под землёй, а значит, что-то скрывающий – это явно не тот, кто поможет им. Но, вероятно, именно тот, кто причастен к пропаже человека.

– Верни нам маму девочки, и мы уйдём.

– А вот это вряд ли, – колдун угрожающе достал палочку.

Тимофей побежал на него с топором, колдун взмахнул палочкой, и топор упал наземь. Ирка собиралась метнуть нож, но колдун применил магию и к ней, из-за чего нож выпал. Тимофей бросился на колдуна с голыми руками, чародей с помощью магии подвесил его в воздухе. Лесник вспомнил о скрипке и немедленно достал. Едва взявшись за смычок, он вдруг почувствовал пульсацию в пальцах и заиграл с таким мастерством, что и самому не верилось. Инструмент повторял трогательно-жалостливую мелодию, услышанную Тимофеем от Егорки. Колдун закрыл уши – звуки были ему неприятны, а то и губительны.

Чародей, несмотря на сложности, всё ещё сжимал палочку и контролировал магию, не давая Тимофею опуститься на землю. Тогда Ирка, покусав губы, бросилась на выручку. Она пыталась вытащить палочку из пальцев колдуна, который не сдавался, хотя и не мог убрать руки от ушей. Тогда Ирка с силой наступила ему на ногу, и колдун обронил палочку. Девочка успела её поднять. В это время грохнулся и Тимофей, скрипка выпала. Не теряя времени, он накинулся на колдуна, который уже едва не отобрал своё имущество назад. Ирка отбежала в сторону, а Тимофей по-простому, по-мужицки, заехал чародею кулаком по лицу. Колдун был сражён.

Девочка в это время вскрикнула, испугавшись за своего старшего товарища, и из темноты вдруг выбежали два эльфа.

– Убить их! – приказал эльфам колдун, приходя в себя на полу, но те не двинулись. По природе своей тихие и невинные создания не причиняли

зла людям.

– Бестолочи, – пробубнил колдун.

Тимофей связал колдуну руки, дотащил до стены и принялся расспрашивать. Теперь у него не осталось сомнений, кто стоит за бедами их долины.

– Где чудище?

Колдун усмехнулся, покачивая головой.

– Поддай-ка топор, – бросил Тимофей Ирке. Девочка подсуетилась и подала.

В её руке всё ещё оставалась палочка. Розовый эльф показывал себе на грудь, Ирка молча навела палочку на него, эльф кивнул.

– Тимофей, по-моему, эльфы хотят что-то сказать, – отметила она, не рискуя размахивать чужим оружием.

– Ты с ними что-то сделал? – грозно уточнил Тимофей у колдуна. – Мы не вернём тебе палочку и оставим тут, закрыв люк, если ты не заговоришь. А потом я найду твоего монстра и избавлюсь от него.

– Ладно-ладно, – сделал одолжение колдун. – Эльфы – это люди, я заколдовал их.

– Мама? – спросила Ира у розового эльфа. Тот кивнул. Девочка расплакалась, принявшись обнимать эльфа.

– Расколдуй их.

Чародей ухмыльнулся.

– Давай палочку.

– Сперва я убью монстра. Где он, здесь? – Тимофей постучал топором. – Идёмте, Ира, эльфы. Оставим этого негодяя одного, закроем в подземелье.

– Монстра не существует, это магия, – проворчал колдун.

– Что? – лесник склонился ближе.

– Нет его. Это моя долина, я хозяин земель и присматриваю за ними. Дороги должным образом не убирались, мусор не выносился, за деревьями не вёлся уход. Вы, людишки, распустились, вам было многое дозволено! Вот я и задумал эльфов, маленьких трудяг, вам же в помощь! Ну и себе оставлял парочку, для общения. Невзлюбили меня в деревне, и что мне было, веками одному сидеть?

– Ты бывал в деревне?

– В прошлом веке. Эльфы не могли продолжать род, долго они тоже не живут, вот и приходится обновлять, так сказать, их ряды.

Версия колдуна была дикой, но... имеющей свою логику.

– А монстр зачем?

– Если хочешь сохранить мир в племени, дай племени внешнего врага. Я и дал.

И в этом он был ужасающе прав: в поселении между собой почти не ссорились.

– Звучит странно. Значит, ты хозяин? И отбираешь у семей их мате-

рей и отцов? Что же за хозяин такой? Кто им тебя назначил?

– Никто не назначил, я эту долину основал. Я верну всё на свои места, – закатил глаза колдун. – Так и быть.

– Я лишился папы из-за тебя, – Тимофея начала душить злоба. – Мы все жили в страхе много лет!

– Возможно, твой отец ещё жив...

– Треснуть бы тебя хорошенько за все твои выкрутасы.

– Пожалуйста, не надо, – колдун зажмурился, увидев, как Тимофей поднял кулак.

– Дядя Тимофей, надо помочь эльфам, – напомнила Ирка, чем оставила его.

– Значит, ты здесь много лет? – продолжил расспрашивать Тимофей.

– Очень много...

– И существуют другие колдуны?

– Чародеи. Да, у нас Орден.

– И что они думают по поводу твоих делишек?

– Слушай, они не в восторге, правда. Обязуюсь всё исправить, только верните палочку. Я без магии долго не протяну.

– А если начнёшь вредить, то и с палочкой долго не протянешь.

– Я понял тебя.

Лесник дал колдуну палочку. Тот расколдовал своих эльфов. Розовый обернулся мамой Ирки, а голубой – одним из жителей поселения.

Они взяли колдуна с собой (ему пришлось пробираться пешком, как и расколдованным эльфам), и всю обратную дорогу Тимофея не покидала мысль, что его папа мог быть жив... а он проходил мимо и даже не подозревал.

В поселении жители не спешили покидать дома. Но когда чародей стал расколдовывать эльфов, и те возвращались в свои жилища, а кто-то из них торопился в соседние поселения долины, люди начали выходить. Ирка с мамой воссоединились с Егоркой, спасённый мужчина – со своей семьёй, и все они затерялись в толпе. С удивлением народ смотрел на колдуна, и только Фонарщик – с узнаванием.

Старичок подошёл к Тимофею и колдуну, который уже оглядывался назад, на лес.

– Ты ответишь за свои действия, я всё доложу Ордену, – сказал Фонарщик, неожиданно его голос зазвучал не по-старчески, а совсем иначе – твёрдо, по-командирски. – Ты же видел мои сигналы, зачем снова влез?

– Я всё исправил, – попытался дружелюбно улыбнуться колдун, но вышло жутковато.

– Из-за тебя эти люди потеряли покой, а в долине Солнца отказываются принимать нас, ты будешь наказан.

Колдун нацелил палочку на Фонарщика, но тот вовремя сориентиро-

вался и достал из кармана свою! Тимофей и жители ахнули: у них был свой чародей! Фонарщик сделал один лёгкий взмах и получил палочку неприятеля себе. Колдун не сопротивлялся: видно, их стычка не была первой, и оба знали силу друг друга. Двое мужчин по просьбе Фонарщика увели колдуна с глаз долой.

– Не волнуйтесь, больше никакого ночного монстра не будет, а доли-на Солнца откроет свои двери, я об этом позабочусь, – объявил Фонарщик собравшимся.

Народ возликовал и начал расходиться.

Фонарщик посмотрел на Тимофея.

– Прости, что не сказал правды и не пошёл с тобой. Я много раз пы-тался найти укрытие этого негодяя, но он знал это и укрывался от меня ма-гией. Нельзя было говорить правду, ведь тогда люди утратили бы всякую надежду. Только такому смелому, доброму и уважающему природу человеку, как ты, лес мог открыть свои секреты. Лес помог тебе и направил, пока чаро-дей был уязвим и расслаблен.

Тимофей только сейчас понял, что, несмотря на свои бесстрашие и физическую силу, он бы ни за что не справился, если б не помощь детей. Сейчас стоять бы ему рядом с голубыми эльфами и мести дорожки, замол-кнув уже навсегда.

– Я мог и не выбраться оттуда, если бы не Ирка и не скрипка Егорки.

– Я дал ему скрипку, думая, что это он однажды отыщет логово чаро-дея. Просчитался малёх.

Тимофея это не убедило. Он задумчиво смотрел на старичка, не зная, благодарить его или обвинять в бездействии.

– Твоя мама теперь сможет попасть в долину Солнца.

– Вы не знаете, как лечить её?

– Нет, увы.

– Вы могли бы и раньше помочь мне доставить её туда.

– Извини, это было невозможно.

Тимофей не успел договорить с Фонарщиком, к нему вдруг подошёл седовласый, бородатый мужчина, отдалённо похожий на его отца...

– Сынок... – проговорил он, и Тимофей тотчас узнал его. Фонарщик тихо ускользнул.

– Пап, – суровый лесник растаял, обняв папу, из рук его выпал топор, который он всё это время держал.

– Я провожал тебя каждый день до леса, перед твоей работой, – по-делился папа. Тимофей вспомнил голубого эльфа, машущего ему, и пустил слезу.

– Я так люблю тебя, – сказал он то, в чём больше не осталось сомне-ний.

– Я тоже, сынок. Каждый день я мечтал вернуться к вам с мамой, но

ничего и сказать не мог. Я знаю о её болезни, мы сейчас же все вместе уедем.

Тимофей вместе с папой направились к дому. Грозный, неприветливый лесник улыбался, приветствовал местных, чем поражал их, он был счастлив – папа дома. И вместе они вылечат маму в долине, где всегда тепло.

А жители Снежной долины встречали закат на улицах, с позором выпроводив Хозяина в сопровождении чародеев безызвестного им Ордена.